

Худолеева Т.Е. История становления нарратологии: от античной поэтики к новым нарративным практикам изучения художественного текста // Академия педагогических идей «Новация». – 2018. – №7 (июль). – АРТ 269-эл. – 0,3 п. л. – URL: <http://akademnova.ru/page/875548>

РУБРИКА: ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 82.0

Худолеева Татьяна Евгеньевна,
Аспирантка 1 курса, институт филологии, истории и искусств,
Научный руководитель: Лушниковая Галина Игоревна,
д.филол.наук, профессор,
ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского» в г. Ялте,
г. Ялта, Российская Федерация,
e-mail: tanyadams@gmail.com

**ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ НАРРАТОЛОГИИ: ОТ АНТИЧНОЙ
ПОЭТИКИ К НОВЫМ НАРРАТИВНЫМ ПРАКТИКАМ ИЗУЧЕНИЯ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА**

Аннотация: В статье дан краткий обзор развития и становления нарратологии как самостоятельной интерпретативной дисциплины лингвопоэтологического направления. Определены и проанализированы пути использования нарративного анализа и достижений теории повествования в изучении специфики авторского повествовательного мышления.

Ключевые слова: нарратология, нарратив, нарративные концепции, когнитивная нарратология, визуальная нарратология, нарративная модель.

Khudoleeva Tatyana Evgenevna,

Postgraduate student 1 course, Institute of Philology, History and Arts,
Supervisor: Lushnikova Galina Igorevna, Doctor of Philology, Professor,
FGAOU VO «KFU named after V.I. Vernadsky» in the city of Yalta,
Yalta, Russian Federation

THE HISTORY OF NARRATOLOGY: FROM ANTIQUE POETICS TO NEW NARRATIVE PRACTICES OF STUDYING LITERARY TEXT

Abstract: The article gives a short review of the narratology development and formation as an independent interpretative branch of science. The ways and the perspectives of the application of a narrative analysis and a theory of narrative in revealing the specific character of the author's narrative way of thinking have been singled out and analyzed.

Key words: narratology, narrative, narrative conceptions, cognitive narratology, visual narratology, narrative model.

Нарратология существует сегодня и как теория художественной прозы, и как теория интерпретации. Эта наука обращает внимание не только на текст, а на весь его контекст, двигаясь от методики структурного анализа к многомерному и разнофункциональному исследованию художественной литературы.

Следуя классическому убеждению о том, что нарратология как система научных практик призвана исследовать художественный нарратив, который представляет собой репрезентацию событий и / или действий, заметим, что современные нарративные концепции вышли за рамки исследований по поэтике художественной речи.

Общеизвестно, что нарратив представляет собой универсальную характеристику культуры, аккумулирует и передает собственные системы смыслов посредством повествования как процесса рассказывания, что отражается в мифах, легендах, сказках, эпосе, историях, драмах и пр. Итак, нарратив постулируется сегодня как инстанция, которая способна организовать в единое целое субъективный опыт человека. Таким образом, нарратология имеет чрезвычайно большое практическое значение как эвристическая интерпретация.

Заметим, что первые сущностные представления о структуре и функциях нарратива были разработаны еще в античности. Собственно к I веку н.э. этот термин использовался как технический, который определял часть речи оратора, следовавшей за провозглашением тезиса. Со временем термин расширил свое значение и стал употребляться, чтобы обозначить рассказывание историй, а затем стал неотъемлемым атрибутом риторики.

Этимологическим предком термина нарратив считается термин, которым пользовались софисты для выделения той части речи, которая находилась в постпозиции к основному аргументу, – *diegesis*. *Diegesis* и его латинский перевод *narratio* оставались некоторое время техническими терминами риторики. Сама риторика определялась как искусство убеждения, как искусство «вытягивания из любого сюжета материала, необходимого ратору для воздействия на публику» [2, с. 61]. В этом контексте добавим, что нарратология в целом и теория повествования в частности тоже применяют когнитивные операции «извлечения / получения» из повествовательной ткани произведений тех нарративных моделей или нарративных структур, которые в качестве определенных имплицитных модусов формируют и форматируют текстовое знание.

Классическая теория повествования считается теорией немецкого происхождения. На стадии своего формирования нарратология обязана немецкому литературоведению, а именно К. Фридеманн и О. Вельзеру [4, с. 30]. В этот период внимание ученых сосредоточилось на выяснении особенностей таких нарративных конститuentов, как сюжет и событие. Разрабатывая критерии и признаки нарративности художественного произведения, немецкоязычная школа сделала акцент на коммуникативной структуре текста в целом и на наличие в произведении опосредованной инстанции в частности. По классической традиции, суть повествования сводилась к преломлению повествовательной действительности сквозь призму восприятия автора [4, с. 112].

Укажем и на то, что разделение на сюжет и фабулу, сделанные российскими формалистами, представляет собой один из первых шагов в выявлении структуры повествования [3, с. 129]. Именно выделение таких инстанций, как имплицитный автор и имплицитный читатель, привели к осознанию того, что поверх сюжета существует определенный уровень организации повествования, к которому уместно применить, хотя и в несколько другом значении, термин Б. Успенского композиция [3, с. 129].

Заметим, что первая концепция нарративности получила свою завершенность в теории Франца Штанцеля, который постулировал существование посредника-рассказчика как основную характеристику повествовательного текста.

Позже нарратологи начали привлекать к анализу не только вербальные, но и невербальные нарративные произведения, содержащие в себе событие и / или действие. Поэтому на сегодняшнем этапе развития нарратология как теория повествования не фокусируется исключительно на литературных жанрах и вообще не ограничивается только художественной

литературой, пытаюсь раскрыть специфику повествовательных текстов любого жанра и любой функциональности [15, с. 9].

Как отмечают современные французские текстологи, парадокс нарратологии XXI века уходит своими корнями в основные работы по нарратологии, центральной проблемой которых является поиск ответов на вопросы о сущности нарративной структуры или модели нарративного построения, общих для всех повествовательных текстов [12, с. 6]. Одним из толчков к изучению нарративности в целом и художественного нарратива в частности стал тезис Р. Барта о неисчисляемости повествовательных текстов и вероятности существования определенной нарративной модели построения, присущей произведениям разных литературных жанров и видов [9, с. 64].

Конкретизируя всю исследовательскую палитру классической нарратологии, подчеркнем то, что одна из первых попыток охарактеризовать и регламентировать нарратив была осуществлена российскими формалистами, в частности В. Проппом. Лингвист обработал проблему нарративных приемов ведения повествования, рассматривая уровень организации событий и / или действий, о которых сообщается.

В рамках классической нарратологии разграничиваются два основных направления поиска, а именно – перспективология и сюжетология. В контексте первой имеет место выяснение коммуникативной структуры нарратива в целом и художественного нарратива в частности. Здесь разрабатываются такие понятия и категории, как повествовательные инстанции, точка зрения, интерференция дискурса персонажа и дискурса рассказчика. Сюжетология же фокусируется в основном на нарративных трансформациях в развертывании событий и / или действий в произведении.

Именно вторая концепция нарративности сформировалась в области структуралистских исследований. Структуралисты сделали акцент на рассказы, исходя из того, что повествовательный текст резко контрастирует с дескриптивным ввиду отсутствия в нем темпоральной сетки и изменения событий и / или действий. Следовательно, определяющим признаком повествовательного текста считается уже не структура коммуникации, а структура самого рассказчика [4, с. 113].

Добавим, что структуралистская нарратология, исследуя плоскость автора художественного произведения, то есть возможные способы его представления в тексте, и плоскость самого текста, вводит понятие уровней или миров, которые наслаиваются на предыдущие, формируя таким образом повествовательное пространство художественного произведения. Существует немалое количество типологий повествовательных уровней (Р. Барт, Ж. Женетт) и нарративных миров (У. Эко, И. Рете), однако все они так или иначе апеллируют к категориям, которые определяют и объясняют сущность той текстовой инстанции, которая координирует всю стратегию изложения повествования и обращается к читателю [5].

В контексте становления нарративной терминологии, лингвисты отмечают попытки совместить традиционные подходы к процессу текстообразования и субъективно окрашенного восприятия художественного целого с новейшими направлениями проектирования когнитивно-семиотических и структуралистских моделей существования и функционирования художественной литературы.

С точки зрения структуралистской нарратологии, процесс художественной коммуникации в повествовательном тексте является знаковым по своей сути. Следовательно, последний трактуется как некий комплекс высказываний, предусматривающий парадигматические и

синтагматические отношения между системообразующими и формальными элементами и выявляют прагматические и идеологические установки субъектов высказывания [4, с. 36].

Заметим, что укоренившаяся в современных лингвопоэтологических студиях концепция диалогизма М. М. Бахтина [1, с. 311] в значительной степени приблизила классическое изучение художественного произведения к новой нарративной методике [4, с. 120], несмотря на то, что российский исследователь одним из первых акцентировал внимание на дискурсе рассказчика и дискурсе персонажей как отличных смысловых плоскостях, подчиненных одному авторскому сознанию [1, с. 16].

Добавим также, что нарратология, в частности французская нарратологическая школа, ныне плодотворно работает над идеей нарративного напряжения как определенной движущей силой и трактует последнюю как один из основных механизмов создания смысла [8]. По нашему мнению, такой подход к исследованию смыслообразующих конструктов в построении художественного произведения тесно коррелирует с тезисом М. М. Бахтина об авторе как носителе определенного напряженно-активного единства художественного целого.

Постклассическая нарратология отмечается «нарратологическим поворотом», то есть проникновением нарратологии и методики её анализа в другие дисциплины, получая при этом новые формы и воплощаясь в таких направлениях, как контекстуалистический, тематический и идеологический [11, с. 23].

Сам термин нарратология порождает сейчас немало дискуссий, поскольку употребляется, по меньшей мере, в двух отличных смыслах. Во-первых, нарратология отождествляется с нарративными исследованиями, что значительно расширяет и разнообразит перспективу исследований,

поскольку охватывает любой нарративно организованный дискурс: литературный, историографический, конверсационный, кинематографический или любой другой [10, с. 27]. Во-вторых, она трактуется также как ответвление нарративной теории, развившейся в 60-70 годах XX века главным образом во Франции под эгидой структурализма и его формалистского предшественника [4, с. 41].

В то же время немало лингвистов и нарратологов соглашаются с тем, что постклассическая нарратология представляет собой сегодня своеобразную «гибридную» форму. Следовательно, в нарратологических традициях конца XX и начала XXI веков вошло и закрепилось терминопонятие «нарратологические концепции» [11, с. 16-18] или «новые / современные нарратологии» [12, с. 9].

Таким образом, можно утверждать, что классическая нарратология пропагандирует исследования собственно самого повествовательного текста, тогда как постклассические нарративные исследования предпочитают выявление нарративных стратегий и тактик не только в конструировании историй и форматировании повествования, но и в его восприятии и декодировании. Постструктуралистская нарратология предстаёт, следовательно, не просто частью теории литературы, а является самостоятельной интерпретативной теорией.

Развивается сейчас и визуальная нарратология, предусматривающая создание ментального образа повествовательной реальности, то есть активности, которая требует картографирования выразительных частей этой реальности. Следовательно, применение «визуальных карт» [13, с. 333-364] к анализу повествовательного текста делает возможным изучение пространственной и топографической организации текстуального мира, а также выяснение специфики метафорического пространства, которое

выстраивается сетью внутренних взаимосвязей, объединяющих темы, образы, звуковое оформление художественного произведения [4, с. 44].

Сегодня выделяют по меньшей мере восемь направлений развития новых нарратологий [11, с. 23-24].

Среди них обозначим следующие:

- контекстуалистические, тематические и идеологические подходы, предусматривающие применение нарратологии в литературоведческих исследований;

- трансжанровые и трансмедиальные подходы к нарратологии, которые объединяют нарратологию и теорию жанров, нарратологию драмы и поэзии, нарратологию и кинематограф, нарратологию и другие виды визуального искусства;

- прагматические и риторические разновидности нарратологии, вокруг которых группируются прагматическая нарратология, этническая и риторическая нарратология;

- когнитивная нарратология и метанарратология;

- постмодернистские и постклассические реконструкции классической нарратологии. В этом случае речь идет о постмодернистской нарратологии, постструктуралистской и динамической нарратологии;

- лингвистические подходы к нарратологии, среди которых выделяются собственно лингвистическая, стилистическая, социолингвистическая нарратология, анализ дискурса и нарратология, нарратология и теория речевых актов;

- философские нарративные теории, объединяющие теорию возможных миров, нарратологию и теории фиктивности;

- другие междисциплинарные теории повествования: нарратология и искусственный интеллект, антропология и теория повествования,

когнитивная психология, когнитивная наука и теория повествования, теория историографии и теория повествования, теория систем.

Заметим, что исследование художественного текста с учетом его нарративных характеристик позволяет делать обобщения и выводы не только о лингвистической, но и о функционально-смысловой сущности последнего, что способствует в рамках настоящего парадигмального сдвига сближению литературоведения и лингвистики [6, с. 203].

Следовательно, обращение лингвопоэтологов к нарратологии, когнитивной и визуальной нарратологии в частности, путем выяснения форм и принципов нарративной тектоники художественного произведения / художественных произведений определенного исторического периода, выявление нарративных средств моделирования и воспроизведения повествовательной реальности в нарративном дискурсе открывают действительно новые возможности прочтения когнитивно-дискурсивной модели художественной прозы того или иного исторического периода.

Список использованной литературы:

1. Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности / М. М. Бахтин // Эстетика словесного творчества. – М. : Искусство, 1979. – С. 9–191.
2. Безменова Н. А. Неориторика: проблемы и перспективы (обзор) / Н. А. Безменова // Семиотика. Коммуникация. Стилъ: сб. обзоров / отв. ред. И. П. Ильин. – М., 1983. – С. 37–83.
3. Ильин И. П. Теоретические аспекты коммуникативного изучения литературы (обзор) / И. П. Ильин // Семиотика. Коммуникация. Стилъ: сб. обзоров / отв. ред. И. П. Ильин. – М., 1983. – С. 126–162.
4. Падучева Е. В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива / Е. В. Падучева. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 464 с.
5. Тюпа В. И. Нарратология как аналитика повествовательного дискурса / Валерий Игоревич Тюпа. – Тверь, 2001. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.myword.ru>.

6. Степанов Ю. С. Язык и метод. К современной философии языка / Ю. С. Степанов. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 784 с.
7. Шмид В. Нарратология / Вольф Шмид. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 312 с.
8. Baroni R. Approches passionnelles et dialogiques de la narrativité / Raphaël Baroni // Cahier de la Narratologie. – 2008. – № 14. – [Ressource électronique]. – Режим доступа: <http://revel.unice.fr/cnarra/document.html>.
9. Barthes R. Le Degré zéro de l'écriture / Roland Barthes. Paris: Éditions du Seuil, 1953 et 1972. 179 p.
10. Herman D. Narratologies: New Perspectives on Narrative Analysis / David Herman. Columbus: Ohio State UP., 1999. 432 p.
11. Nünning A. Narratologie ou narratologies? Un état des lieux des développements récents : propositions pour de futurs usages du terme / Ansgar Nünning // J. Pier, F. Berthelot. Narratologies contemporaines : approches nouvelles pour la théorie et l'analyse de récit. Paris: Éditions des archives contemporaines, 2010. P. 15–44.
12. Pier J. Narratologies contemporaines : approches nouvelles pour la théorie et l'analyse de récit / John Pier et Francis Berthelot. Paris: Éditions des archives contemporaines, 2010. 274 p.
13. Ryan M.-L. Narrative Cartography: Towards a Visual Narratology / M.-L. Ryan // T. Kindt and H.-H. Muller. What is Narratology: Questions and Answers Regarding the Status of a Theory. Berlin : Walter de Gruyter, 2003. P. 333–364.

Дата поступления в редакцию: 12.07.2018 г.

Опубликовано: 17.07.2018 г.

© Академия педагогических идей «Новация», электронный журнал, 2018

© Худолеева Т.Е., 2018